

Мешкова Е.Г.

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА: ОБЗОР ЗАПАДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Мешкова Е.Г. – с.н.с. Института социологии РАН, к.и.н.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению различных подходов, предложенных авторами, пишущими на английском языке, к выбору оснований для стратификации общества. Между различными социологами, предложившими различные классификации, можно проследить согласие в отношении того, кто занимает верхние и нижние ступени в социальной иерархии и некоторые разночтения в расположении средних слоев.

Summary. The article deals with different approaches to the choice of grounds for stratification of society suggested by English speaking social scientists. Sociologists differ in social classifications but one might notice agreement in positioning upper and lower strata and some disagreement concerning arrangement of middle layers in social hierarchy.

Ключевые слова: социальная группа, слой, класс, статусные характеристики, мобильность, волонтерский сектор, социальные акторы

Keywords: social group, layer, class, status characteristics, mobility, volunteers, social actors

Отмирают ли социальные классы? Этот вопрос поставили Терри Николс Кларк и Сеймур Мартин Липсет в декабре 1991 года в журнале «International Sociology» [1], положив начало продолжительной дискуссии на эту тему, не затухающей на его страницах. Постановка этого вопроса вызвана новыми сдвигами в социальной структуре и ныне.

Закономерно, что наши представления о стратификации, сформировавшиеся под влиянием идей К. Маркса и М. Вебера, критически переосмысливаются и уступают место новым обобщениям. Классы были ключевыми темами в работах прежних исследователей социальной стратификации. Тем не менее, понятие класса, как инструмент эвристического анализа, все более превращается в устаревшую концепцию. Эта тема все время была в центре дискуссий ученых, в которых приняли участие такие исследователи, как Р. Дарендорф, Р. Хантер, Ф. Паркин, Э. Гидденс [2], Э. Райт [3] и другие.

Эрик Райт предложил 12 категорий слоев и групп в соответствии со своей «типологией отнесения к классу в капиталистическом обществе». Эти группы различаются по своему отношению к владению капиталом, средствами производства и наличию организационных активов. Среди них – буржуазия, мелкие предприниматели, мелкая буржуазия. Их объединяет то, что они являются владельцами капитала и средств производства. В 4–12 группах находятся те, кто не владеет капиталом и живут за счет заработной платы: эксперты-менеджеры; эксперты-управляющие; представители экспертного сообщества; менеджеры, не имеющие полной аккредитации; управляющие, не имеющие полной аккредитации; низко квалифицированные рабочие; неаккредитованные менеджеры, управляющие, не имеющие аккредитации; пролетарии.

Обзор публикаций свидетельствует о том, что наблюдается снижение научного интереса к категории «социальный класс», которая сменяется подходом, исходящим из множественности измерений социальной структуры или статусных характеристик тех или иных групп.

Т. Кларк и С. Липсет расширяют критику К. Маркса, начатую М. Вебером. Опыт новых социальных движений 1970–1980-х годов в США и в Западной Европе, а также коммунистической системы стран Восточной Европой побудил внести коррективы в теорию социальной стратификации. Следствием этих процессов стал упадок традиционных иерархий в частности, экономических и семейных. В подтверждение своей позиции Кларк и Липсет приводят три аргумента общего свойства: 1 – иерархия создает и поддерживает жесткие классовые отношения. Чем сильнее иерархические (вертикальные) различия между личностями в отдельной социальной ячейке (unit), тем глубже классовые различия.

Поскольку степень иерархичности в каждом обществе может различаться, Липсет и Кларк добавляют: 2 – чем резче выражены иерархические различия в каждом отдельном вертикальном срезе общества (например, в экономических институтах, правительственных организациях и семьях), тем более выпукло проявляется классовый характер социальных отношений, культурных и трансформационных процессов (например, поддержка социальных движений и политическое поведение); 3 – чем больше приходит в упадок иерархия, тем больше теряют свою значимость классово структурированные отношения. А чем больше количество этих вертикальных срезов, которые свидетельствуют об упадке иерархии, тем менее выражены классовые различия в обществе.

По мере того как ослабевает классовый конфликт в его традиционном понимании, в обществе может возрасти роль конфликтов, возникающих по другим основаниям, например, гендерным, этническим и др.

Дерек Лейдер [4] предлагает теорию социальных доменов, в попытке объяснить многомерный характер современного общества мира. В анализе этого социолога также сильно выражено стремление преодолеть узость концепта «класс».

С попытками преодоления классового видения общества связана тенденция отхода от классического разделения политического спектра на правых и левых. Так, например, Э. Гидденс предпочитает говорить о правых и левых центристах, а не о правых и левых как таковых. В фокусе интересов новых левых находится так называемая постбуржуазная политика, где интерес к традиционным классовым проблемам сменился так называемым «постматериализмом». Согласно этому мировоззрению политика перестает быть ареной столкновения враждующих классов, а становится полем взаимодействия соперничающих социальных групп, озабоченных больше сохранением или сменой стилей жизни и погоней за комфортом. Такие сферы, как экономика и семья также претерпели существенные изменения:

- изменения в экономике, рост богатства послужили источником нового рыночного индивидуализма и способствовали размыванию классовой иерархии;
- диверсификация рыночных институтов, сопровождающаяся ростом доходов, также подрывает классовые характеристики в системе социальных дифференциаций;
- чем современнее технологии и выше уровень знаний, тем труднее планировать и осуществлять административный контроль как внутри больших фирм, так и на уровне центральных правительств.

Высокие технологии ведут к замене рутинных производственных операций автоматами и высвобождению среднего управленческого звена, занимавшегося ранее координацией процесса производства. Процесс принятия решений становится более компетентным, более автономным. Более эгалитарное, коллегиальное принятие решений является знаковым для современного общества. Это отмечали Ю. Хабермас, Т. Парсонс, Д. Белл и З. Бжезинский.

Все большее распространение получают белые воротнички, технические специальности, требующие высокой квалификации, ориентированные на сферу услуг. Классовая структура все больше напоминает не пирамиду, покоящуюся на плоском основании, а бриллиант широкий посередине, с пятьюдесятью семью гранями, на вершине которого маленькая, тесная площадка, а внизу размещены представители *underclass*, *alienated*, *downshifters*, социальных инвалидов, бедных, социального «дна».

Чем шире рынок, тем менее вероятно преобладание партикуляристских решений (предпочтений членам семьи, горожанам, представителям отдельных национальностей). Иерархии также теряют свою сплоченность и устойчивость по мере роста рынков – в региональном, национальном и международном масштабе. Эти факторы, соединяясь, ведут к слову семейно-квази-монополистской традиции в бизнес иерархии и в иных иерархиях.

Основные тенденции, имеющие место в сфере семейных отношений, повторяют наблюдающиеся тенденции в экономике.

Семья и интимные межличностные отношения все больше становятся эгалитарными, с более гибким распределением ролей, большей терпимостью к меняющимся моделям поведения. Иерархическая модель семьи ослабла. Авторитарная патерналистская семья все меньше может служить образцом для стратификации общества в целом. Поздние браки, сокращение числа браков, рост малодетных семей, разводов – все это отход от прежнего образца. Параллельно с этими социально-демографическими изменениями происходят перемены в отношениях в семье. Положение детей и жен стало более равноправным за очень короткий промежуток времени.

Кроме этой внутренней динамики в семье, следует подчеркнуть, что уменьшившаяся семья оказывает меньшее влияние на выбор образования и места работы своих отдельных членов. Относительный рост благосостояния и социальные программы государства расширили право выбора индивидов, и тем самым сузили возможности семьи влиять на жизненный выбор акторов семейных отношений. В результате семья стала утрачивать свое значение в качестве компонента стратификации по сравнению с образованием и работой. Семьи все меньше отвечают за воспитание детей и устройство их на работу. Меньше детей стало работать в семейных фирмах (на фермах, в магазинах, и т.д.). Исследования социальной мобильности свидетельствуют об уменьшающемся влиянии образования и доходов родителей на карьерный рост детей в избранной профессии; отмечается одновременно с этим рост влияния образования. Количество жен и матерей, работающих вне дома, значительно увеличилось [5].

Ян Пакульский [6] – доцент университета Тасмании продолжает дискуссию о социальных классах. Он отмечает сдвиг парадигмы с классово-интерпретации на постмарксистскую и постмодернистскую. Этот сдвиг вызван процессом социальных изменений и расширяет исследовательские горизонты. Современные конфликты и массовые движения, в них вовлеченные представляются более разнообразными, более уда-

ленными от структурно-экономических делений, менее связанными с классовой идентичностью, чем конфликты XIX века, анализировавшие Марксом. Это ограничивает эвристическую ценность и теоретическую актуальность классовых теорий при анализе социальных движений и выносит на первый план альтернативные объяснения с использованием терминов поколение, статусная политика и гражданское общество.

В 1994 году к дискуссии присоединяется австралийский исследователь Малькольм Уотерс [7]. Он отмечает, что длительность дискуссия об «отмирании класса» объясняется тем, что мы признаем, так или иначе, существование класса. Хотя мы и можем согласиться, что влияние класса уменьшается, само понятие не должно быть предано забвению. Автор отмечает, что мы должны сохранить марксово значение этого термина, но принять во внимание тот факт, что возможен иной стратификационный порядок, а классовая система может иметь подчиненное значение. Вебер показал в своей триаде класс-партия-статус наиболее значимый порядок стратификации. Класс был доминирующим понятием только в условиях западного капитализма XIX века. С тех пор класс сменили другие категории стратификационного порядка. В XX веке доминирующим критерием стало государство и организационные системы. Тем не менее, при существующей расстановке сил, главная роль отводится культурологическим аспектам и процессам, идеализированным сообществам, которые фокусируются на образе жизни и приверженности определенным ценностям. Движущей силой этого процесса смены социальных тенденций Уотерс видит в совершенствовании рынка.

Рене Леви (Лозанский университет) и Доминик Жойе (Федеральный Институт технологии в Лозанне, Швейцария) [8] считают, что в стратификационном анализе новые тенденции выразились в теоретическом скрещивании марксизма, моделей достижения того или иного статуса и веберовской теории. Они используют модель достижения статуса, конструкции Райта и Голдторпа [9], построенные на классовой типологии, и схему классификации, разработанную Швейцарским бюро переписи (социо-профессиональные категории) пытаются описать стратификационную модель Швейцарии и выяснить действительно ли «социальные классы отмирают».

Во многих исследованиях пол и расовая принадлежность (которую для большинства европейских стран можно заменить национальностью) систематически значатся среди главных факторов, обуславливающих неравенства в доходах и затрудняющих доступ к привилегированным позициям или социальным благам. Значимость этих факторов (пола и национальности) зачастую значительно выше индикаторов, используе-

мых для измерения ключевых характеристик в классических исследованиях. Упомянем исследование Райта и Перрона по вторичному анализу данных, полученных в США. Авторы эмпирически сравнили функционалистскую модель и марксистский принцип анализа неравенства. Их результаты демонстрируют, что пол и раса оказываются основными факторами, влияющими на появление различий в доходах. Другие факторы могут влиять на стиль жизни и субъективные приоритеты, например, принадлежность к этническим группам или опасность быть подвергнутым риску [10]. Гендерный фактор относят к дискриминационным критериям (Леви и Жойе).

Поль Джонсон [11] выделяет в английском обществе два класса: работающих и не работающих. Первая группа знает свои обязательства. Другая группа – свои права. Такова моральная граница, проходящая между работающими и неработающими. П. Джонсон говорит об *idle роог* – праздные бедняки и противопоставляет этику труда этике прав (требований) домохозяйств безработных. При этом он не делает различий между мужчинами и женщинами, говоря о домохозяйствах в целом и о поколениях, воспринимающих эту этику. Эта ситуация, порожденная государством всеобщего благоденствия, приводит к неоправданно большим затратам. Это явление затронуло и определенную часть молодежи, получившую название «NEET» [сокр. От: Not in Education, Employment or Training – не занятые образованием, работой или освоением профессии – представитель низших слоёв общества в Великобритании в XXI в.: живёт на социальное пособие, сознательно не работает и не учится. Но многие мирятся с таким положением вещей, так как усомниться в нем значило бы поставить под вопрос саму идею социально ориентированного государства (*welfare state*).

Мино Вианелли и Гвен Мур [12] в книге о гендерном составе элит «Гендерный состав элит: экономические и политические лидеры в 27 индустриальных обществах» отмечают, что представительство женщин в элитах наиболее экономически развитых стран недостаточно. Об этом же свидетельствуют данные ООН. Интересно отметить, что в таком славящемся своими глубокими демократическими традициями регионе, как Европа, существует весьма прочный «стеклянный потолок», мешающий продвижению женщин по служебной лестнице [5].

Препятствия к привлечению и продвижению женщин на руководящие должности низшего, среднего и старшего звена в Европе назвали опрошенные руководители кадровых служб и женщины-менеджеры европейских банков. Значительная часть респондентов назвала семейные обязанности и доминирование «патриархальных ценностей» в корпора-

тивной культуре в качестве главных препятствий для карьерного роста женщин. Характер препятствий зависит, тем не менее, и от уровня карьерных притязаний.

Лесли Склэр в своей книге «Транснациональный капиталистический класс», [13] называет активных создателей глобализации. Он проводит грань между экономикой, polity – образом правления и культур-идеологией. В глобальную систему он включил транснациональные корпорации (ТНК), доминирующие в экономической сфере, культур-идеологию консьюмеризма, приводящую в движение культур-идеологическую сферу, и транснациональный капиталистический класс (ТКК) господствующий в политической сфере.

Л. Склэр в отличие от большинства западных ученых рассматривает класс как однородную (coherent – согласованную, ясную, членораздельную) группу, причем, как подчеркивает Л. Склэр, выходящую за национальные границы. Как

последователь марксизма, Склэр объединяет в понятии класса ответственность и контроль над средствами производства. Но он останавливается на этом и включает в свою концепцию класса элементы теории Грамши, показывая, как транснациональные группы осуществляют свое влияние через глобальные институты и национальные государства, он пытается преодолеть лакуны в социологии развития (sociology of development) и сблизить позиции теоретиков марксистского и государственнического толка.

С точки зрения Л. Склэра господствующий транснациональный класс основан на «фундаментальном стремлении к постоянному накоплению частного богатства». ТНК может быть разделен на 4 группы по их роли в развитии глобального капитализма:

1. ТНК управляющие и их местные филиалы (корпоративная фракция);
2. ТНК бюрократы и политики (государственная фракция);
3. Профессионалы глобализации (техническая фракция);
4. Торговцы и СМИ (консьюмеристская/потребительская фракция).

Наверху находится некий «внутренний круг, который принимает системные решения» – на память приходят постоянные встречи корпоративной и политической элиты, проходящие в Давосе.

Подъем политической активности в России в 2011–2012 годах вывел в российскую публичную сферу креативный класс – слой творческой элиты, по определению Ричарда Флориды, вышедший на улицы в декабре 2011. Р. Флорида подробно рассматривает новый креативный мейнстрим, проводя анализ работ от Адама Смита до социологов сего-

дняшнего дня, отмечает, что подъем креативности выступает в качестве экономической силы [14].

Питер Оборн в книге «Триумф политического класса» [15] использует термин политический класс, описывает его архитектуру. Новый политический класс, по мнению П. Оборна, в первую очередь является манифестацией государства. Он зависит напрямую и опосредованно в своем статусе от государства, что включает получение привилегий, карьерное продвижение и финансовое благополучие. Очень тесная связь с государством отличает этот класс от прежних британских правящих элит, которые были более тесно связаны с гражданским обществом и были, зачастую, враждебно или безразлично настроены по отношению к центральному правительству. До недавнего времени члены британской правящей элиты были обязаны своим статусом тому положению, которое они занимали вне Вестминстера. Сегодня важная перемена в их положении зависит от того какое положение они занимают в Вестминстере и это последнее и дает им право получить определенный статус в гражданском обществе. По наблюдениям автора, хотя и ограничен количественно, политический класс сейчас растет с ошеломляющей скоростью. Он включает большинство, хотя и не всех, из 646 членов парламента в Палате общин. Небольшая группа помощников и исследователей, которые сейчас обслуживают этих членов британского парламента, являются без сомнения «кандидатами» в новый политический класс. Палата лордов, среди членов которой значительно количество судей, епископов, генералов и потомственных пэров, была бастионом сопротивления росту влияния и ценностей политического класса. Но недавние изменения в составе Палаты лордов и, прежде всего, появление с 1997 пожизненных членов изменило это отношение. И палата лордов превращается в еще одну крепость защиты политического класса. В Уэльсе Парламент и Ассамблея насчитывают 129 и 60 членов соответственно. К этому количеству добавляются сотни вспомогательных работников, которые становятся значительным резервом пополнения политического класса. Сюда же относится отряд хорошо оплачиваемых служащих Евросоюза и это не только 78 членов Европарламента, которые представляют британских избирателей, но и значительное количество дополнительных служащих, нанимаемых этими членами Европарламента. Высказываемое сейчас предложение о создании региональных ассамблей в Англии может рассматриваться как еще одна вызывающая схема по созданию тысячи рабочих мест для политического класса. Однако эта схема в достаточной жесткой степени была отвергнута электоратом.

За последние годы политический класс расширил членство в своих

рядах и вне четко очерченной политической сферы. По мере того, как правительство становилось все более определяющим фактором, оно превращалось в решающий центр притяжения в вопросах принятия решений для больших корпораций. Результатом стало возвращение огромной коммерческой индустрии лоббирования, которая обеспечивает связь между бизнес-сектором, центральным правительством и политическими партиями. Это явление создало новые и прибыльные возможности для политического класса. Лоббирование дает хорошо оплачиваемые «ордера на постой» в листе ожидания для амбициозных молодых политиков пока они подыскивают себе избирательный округ и постоянную занятость тем, кто по каким-либо причинам не прошел в парламент. Лоббирование также служит работой в случае провала на всеобщих выборах или вынужденного выхода в отставку по каким-либо причинам или, если их карьера подходит к завершению.

Эта роль применима не только к крупным корпорациям. Благотворительный или волонтерский сектор остро нуждается в работе политического класса. Большинство крупных британских благотворительных организаций стали проводниками государственной политики, преследующими определенные цели.

Основа стратификации – разделение людей в соответствии с иерархической системой – меняется в каждом обществе. В примитивных обществах деление на страты могло базироваться на возрасте или поле, старые люди имели больше власти и престижа, чем молодые, а мужчины больше, чем женщины.

Социологи используют категорию социального класса практически во всех исследованиях, а социальный класс личности рассматривается как суммарная переменная, которая характеризует отношения, ценности, уровень жизни, образование и т.д. Исследования показали, что классовая принадлежность является важной детерминантой жизненного старта и в образовании, здоровье и т.д. Социологи различают три социальных класса – высший, средний и низший. Высший класс это небольшая часть общества составляет около 10 процентов населения.

Между различными социологами, предложившими различные классификации, можно проследить согласие в отношении того, кто занимает верхние и нижние ступени в социальной иерархии и некоторые различия в расположении средних слоев.

Поскольку основанием для классификаций служит профессия или род занятий, представляется довольно сложным отнести куда-либо тех, кто не работает по найму. Для незанятых мужчин эта трудность в отнесении к тому или иному классу преодолевается за счет отнесения их к

предыдущему месту работы или безработным, или ушедших на пенсию. Однако такой подход не используется, когда речь идет о замужних женщинах, т.к. предполагается, что они разделяют классовую принадлежность мужей, находясь в материальной зависимости от них.

Предположение, что семья является рациональной единицей анализа и в ней наблюдается полное классовое равенство; социальное положение семьи определяется по роду занятий главы домохозяйства; именно мужчина обязательно является главой домохозяйства; женщины, не проживающие с мужчинами, тем не менее, сами определяют свою классовую принадлежность; предположение, что неравенство между мужчинами и женщинами являются неизбежным.

Феминистки утверждают, что не только классификация социальных позиций женщин в соответствии с классовой принадлежностью мужчин-глав домохозяйств является сексистской, но и само предположение, на котором это утверждение строится, неверно. Шейла Ален [15] отмечает, что жена не достигает

уровня образования мужа после заключения брака, не занимает она также автоматически социально или политически значимой позиции (которую она часто утрачивает в случае развода или вдовства). Выбор семьи в качестве единицы анализа не дает возможности выявить неравенство между женщинами и мужчинами внутри семьи, а также в различных ситуациях, сложившихся под воздействием рыночных отношений и отношений в сфере труда. Женщины составляют нижнестатусное основание в каждой профессиональной группе и это неравное положение должно рассматриваться как основополагающее в изучении социальной стратификации. Участие женщин на рынке труда влияет на положение на нем мужчин. Женщины сосредоточены на низкооплачиваемых работах, занимают должности с более низким статусом. Секс-типизация работы или должностей как «женских», так и «мужских» исторически привела к тому, что некоторые виды занятости получили низкий статус с меньшим материальным вознаграждением, (например работа служащих).

Социальная мобильность является одной из важных характеристик в модернизирующемся обществе. Изучая мобильность, мы узнаем и о возможностях отдельных индивидов и групп и о структуре всего общества. Сравнивая социальные обстоятельства раннего периода жизни отдельного индивида с социальным и профессиональным положением, которое он или она занимает в настоящее время, мы можем увидеть, как этот человек продвигался в жизни. При изучении карьеры через образование, начальную или последующую занятость, мы можем увидеть

маршруты, препятствия, успехи и неудачи, определяющие степень мобильности членов общества. Институт мобильности аккумулирует социальный опыт, а также социальную значимость личных способностей и заслуг людей. Социальная мобильность сочетает изучение сферы занятости (paid employment), рынка труда и изменений в роде занятий с анализом структурного неравенства и процессов классового расслоения в обществе.

Женщин также значительно реже рассматривают в качестве резерва для продвижения, их принимают на работу в надежде, что они не будут претендовать на повышение.

Сегментация рынка труда является основным фактором женской межпоколенческой мобильности. Профессии и социальные группы, к которым относятся девушки, отличаются от тех, к которым принадлежат сыновья. Это означает, что межпоколенческая социальная мобильность дочерей и сыновей различается. Братья и сестры зачастую имеют разную мобильность, несмотря на то, что у них общий отец.

Появляются новые модели социальной стратификации. Ключевой тенденцией можно назвать процесс фрагментации стратификации. Вместе с тем происходит размывание основ классовой стратификации. Это можно видеть на примере стилей жизни, которые могут демонстрировать общность в разных социальных стратах.

Уменьшается значение экономического детерминизма, увеличивается значимость социальных и культурных факторов. Политика определяется во все меньшей степени классовыми и во все большей степени иными интересами. Уменьшается роль семьи.

Литература

1. Are Social Classes Dying? T.N. Clarke, S.M. Lipset in: Journal 'International Sociology', Vol. 6, № 4, pp. 397–410, Dec. 1991.
2. Giddens A. The Class Structure of the Advanced Societies. N-Y. 1980.
3. Wright E.O. Classes. London, 1985.
4. Layder D. Modern Social Theory. Key debates and new directions. London. 1997. pp. 13- 28, 227–239.
5. Wirth L. Breaking through Glass Ceiling. Geneva. 2004.
6. Pakulski J. Mass Social Movements and Social Class. In Journal 'International Sociology' Vol. 8, № 2, June 1993. pp.131–158.
7. Waters M. Succession in the Stratification System: A Contribution to the 'Death of Class' Debate. In Journal 'International Sociology', vol. 9, № 3, September 1994, pp. 295–312.
8. Levy R. and Joye D. What is Switzerland's Stratification Like: Classes, Prestige Gradation, Professional Categories? In Journal 'International Sociology' Vol.9, № 3, 1994. pp. 213–236.

9. *Goldthorpe, John H.* (1983), Women and class analysis: In defence of the conventional view. *Sociology* 17: 465–488.
10. *Beck U.* *Risk Society: Towards a New Modernity*. London. 1992.
11. *Johnson P.* *Daily Mail*, July 9, London, 1996.
13. *Sklair L.* The Transnational Capitalist Class. In *Journal 'International Sociology'*, p.450, №3-17–2002, pp. 237–239.
14. *Florida Richard* *The Rise of the Creative Class*. Toronto. 2004.
15. *Oborne P.* *The Triumph of the Political Class*. L. 2010.
16. *Allen S.* Gender inequality and class formation in *A. Giddens and G. Mackenzie (eds) Social Class and the Division of Labour*. Cambridge, 1982.